КРОКОДИЛ

№ 21—22 МОСКВА 1944 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXIII ЦЕНА НОМЕРА — 80 КОП.

3

ГОДА
БЛИЦКРИГА

Рис. Л. Бродат

ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

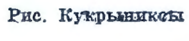
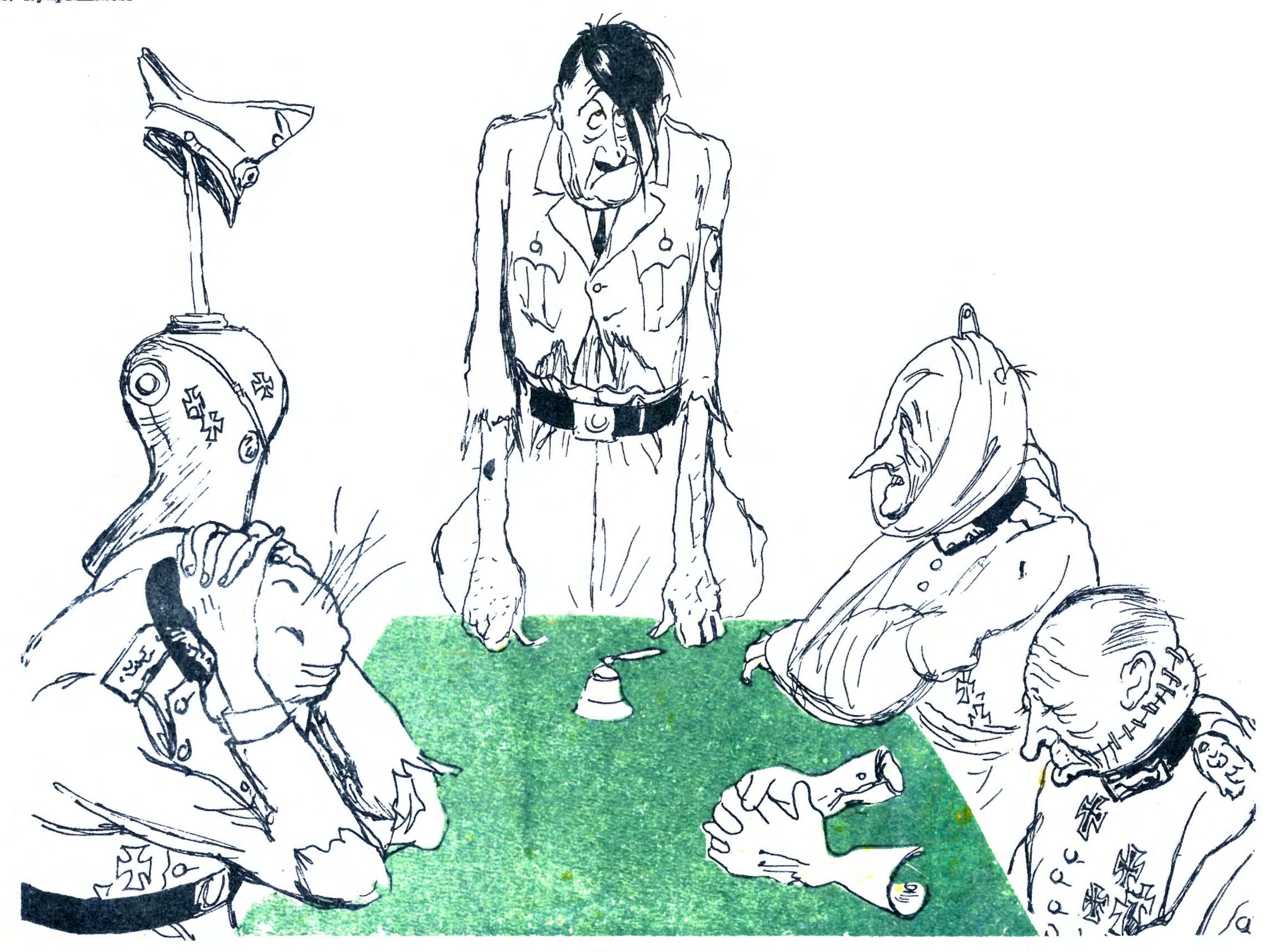

Рис. Кукрыниксы

— Итак, господа, прошло битых три года...

Критика и библиография

(Адольф Гитлер. Собрание военных речей. Издание невозможное)

СВЕТ никогда не увидит полного собрания речей Гитлера, произнесённых во время войны. Издание его речей невозможно теперь в Германии, где гестаповцы к старой поговорке «Кто старое вспомнит, тому глаз вон» прибавляют: «А кто старую речь Гитлера вспомнит, из того дух вон!» А после войны кто станет заниматься речами Гитлера?!

Чтобы заполнить угрожающий пробел в литературе, Крокодил считает нужным критически обозреть военные речи Адольфа Гитлера.

* * *

В 1940 году и ещё в 1941 году Адольф Гитлер бил словесным фонтаном. Он выступал по всякому поводу и без всякого повода. Он говорил длинные речи. Его любимым словом было «я». Он говорил о себе, как о боге:

— Я нашёл в себе силы...

— Я начал эту борьбу...

— Я спасу Германию...

— Я покрою Германию исторической славой...

— Я победил...

Уже в 1942 году словесный фонтан Адольфа Гитлера утихает и речи льются из него, как из водопровода. Они становятся короче, и вместо «я» он употребляет «мы»:

Но тон речей ещё оставался уверенным. Гитлер не просто оценивал события, а пытался командовать событиями.

Он говорил:

— Создана, наконец, предпосылка к последнему огромному удару, который ещё до наступления зимы должен привести к уничтожению врага... Сегодня начинается последнее большое, решающее сражение этого года. В этом сражении будет уничтожен этот враг...

Гитлер говорил о Донбассе:

— Надо отремонтировать тысячи заводов и фабрик, построить вновь угольные шахты и увеличить их продукцию. Мы учредим собственную промышленность на Востоке.

Гитлер говорил о Сталинграде:

— Сталинград будет взят, в этом вы можете быть уверены. Когда мы укрепимся там, на Волге, то оттуда нас никто не выгонит.

Гитлер говорил об Италии:

— Мы укрепили наш союз с нашим старейшим союзником — Италией. Надежды неприятеля на наше разделение безумны.

Гитлер говорил в сентябре 1942 года:

— Я могу заверить англичан и американцев, что, где бы они ни высадились, они смогут считать себя счастливыми, если им удастся остаться на материке каких-нибудь девять часов.

Но уже в это время в речах Адольфа Гитлера начинают звучать и другие ноты. Он говорит тише:

— Я охотно отказываюсь от славы...

— Я не стремлюсь к славе...

Он, который «всё знал», теперь ничего не знает:

— Сегодня я могу дать только одно заверение: как закончится этот год, я не знаю. Закончится ли в этом году война, я также не знаю...

В 1943 году из Адольфа Гитлера речи сочатся, как из неисправной водопроводной трубы. В 1944 году он выдавил из себя только одну каплю, и то мутную... Красная Армия отбила у Адольфа Гитлера охоту разговаривать. От первого «щелчка» (под Москвой) лишился Адольф языка. От второго «щелчка» (под Сталинградом) отскочил Адольф до Прута. От третьего «щелчка» (в Крыму) отшибло ум у фюрера.

Пророчества Гитлера приняли мрачный характер:

— Я ещё больше убеждаюсь в будущем, когда не шуты, а мужчины будут делать историю...

Фашистский шут предвидит свой конец:

— Если провидение сохранит мне жизнь...

Это одно из предпоследних слов. В своём последнем слове Адольф Гитлер скажет:

— Если господа судьи сохранят мне жизнь...

Не сохранят!

К. ДЕМИДОВ

(Солдатская сказка)

ИДЕТ солдат тёмным лесом за своим интересом: лес прочёсывает. Чешет-почешет, вычесать не может: уж смеркаться начинает, а немецким духом поблизости не пахнет.

И вот из-под пенья-коренья выходит навстречу солдату старушка, божий цветочек. Заправка-выправка у неё, конечно, не ах какая, не гвардейская: согнута бабка ровно в три погибели, в руке батожок, платок ниже бровей насунут, одна щека тряпкой повязана.

— Здравствуй, старуха-лепетуха!—говорит солдат.— Ты чего тут ходишь, костями гремишь?

А старушка ему в ответ шелестит:

— Здравствуй,— говорит,— солдат—саблин брат! А ты сам чего тут, на ночь глядя, разгуливаешь? Чижиков ловишь или просто так: воздухом пользуешься? А то, может, тебя сюда ненароком германец загнал?

Солдат очень осерчал от такого предположения и говорит:

— Ведь вот какая ты, старуха-завируха! Да где это германец может меня в леса загонять, когда я сам его гоню так, что у него, поди, все пятки потрескались?

— Ах, ах, какой ты геройский солдатик!— шуршит старуха.— Ты, может быть, и сюда-то пришёл вовсе не чижиков ловить, а германцев?

— Да уж такое, бабка, наше солдатское дело: иди да гляди. Улов не улов, а обрыбиться надо...

Сказал это он так — и спохватился. Спохватился — и опять осерчал.

— Ты чего это,— говорит,— старая мельница, меня всё выспрашиваешь? Отставить разговорчики!..

— Какие у меня с тобой могут быть разговорчики? — говорит старушка. — С тобой говорить, что солнышко в мешок ловить... Слов нет, могла бы я кое-кому сослужить большую службу, только жалко вот солдатишко мне недогадливый попался...

— Это я-то недогадливый? — вскинулся солдат.—Да я, если ты хочешь знать, старый и бывалый солдат, снарядами трёпанный, гранатами штопанный, свинцом стёганный, штыком троганный! Я четырнадцать рек вслед за немцами переплывал и через все немецкие валы переваливал.

— А я тоже не простая бабка,— говорит старуха.

— Да ты, старушка, никак баба-яга?—удивился солдат.

— А чего тут удивительного? — говорит старушка.—Только я кому яга, а кому родная бабушка. Вот ты тут и понимай...

— Тут и понимать нечего,— отвечает солдат.—В ступе ездить можешь?

— И в ступе могу и на помеле могу. И могу я тебе за твою храбрость сослужить большую службу. Укажу я тебе, например, где можно добыть волшебную дубину-самобойку. Пойдёшь ты до перекрёстка...

— Не пойду! — перебил бабку солдат. — У меня своя дубинка-фрицебойка есть, тоже очень волшебного свойства, хотя и казённого образца: автоматом называется.

— Ну и ладно. Тогда покажу я тебе, служивый, где растёт разрыв-трава. Нарвёшь ты этой травы...

— Не нарву! — опять перебил солдат. — У меня своё такое вещество есть, в ручной гранате помещается: трава — не трава, а на разрыв действует очень даже отлично. Вообще, гражданка баба-яга, ты передо мной своей техникой не козыряй: наша похлеще будет! У нас есть и дубинки-дальнобойки, и ковры-самолёты, и коньки-горбунки, по прозванию броневики, так что можешь на меня в волшебном отношении не расходоваться...

Усмехнулась бабка и говорит:

— А всё-таки я тебе, солдат, сослужу службу... Хочешь, я тебе покажу, где недобитые немцы прячутся?

— Вот это настоящий разговор! — обрадовался солдат.— Веди, золотая, показывай! Ты сама увидишь, как моя разрыв-трава будет действовать: одного стукну — семеро сами на тот свет запросятся... Пошли!

Скоро сказка сказывается — ещё скорей дело делается. Подкрался солдат к полянке, где немцы у костра сидели, скомандовал сам себе: «Взвод, вперёд!» и велел бабке вместе с собой «ура» кричать, по силе возможности басом. Ударил потом из автомата, а на закуску пустил в ход свою гранёную «разрыв-траву». Ну, десять немцев, конечно, ноги протянули, а трое руки подняли.

Скрутил солдат немцам руки назад, стоит у костра и ладонью пот со лба утирает. А бабка подходит к нему и говорит:

— Спасибо тебе, солдатик-касатик, за хорошую работу. Теперь и я вижу, что ты воистину бывалый солдат. Сём-ка я тебя за твоё геройство поцелую...

— Ну, геройство моё,—говорит солдат,—никакое не выдающее. Но, опять же сказать, ведь и твой поцелуй—тоже не медаль «За отвагу»...

Обняла бабка солдата, да так его чмокнула, что даже эхо по лесу прокатилось!

Солдат отвернулся, губы рукавом вытер и говорит:

— Ты что-то, старая, больно крепко целуешься...

— И-и, служивенький!—отвечает бабка. — Пословица не зря молвится: «И старая корова до соли лакома...»

И засмеялась. Да так звонко засмеялась — вроде даже и не своим голосом. Обернулся к ней солдат, а она к огню подошла, стан выпрямила, повязку со щеки долой, платок с бровей сняла. И стоит перед солдатом уже не старуха-лепетуха, а белолица-круглолица красная девица! Да такой неописуемой красоты, что солдат сгоряча даже стал во фрунт и руку под козырёк взял. И говорит:

— Здравия желаю!

А потом спрашивает:

— Зачем же это ты, красна девка, такую маскировку под бабу-ягу делала?

— А вот от них пряталась,— показала красная девица на связанных немцев.

— А зачем передо мной в разговоре старухой прикидывалась?

— Для проверки...

— Ну, а потом-то, когда ты мне поверила и немцев бить повела? Тогда-то ты почему не открылась?

Красная девица глянула на него — прямо как ценным подарком наградила. И с улыбкой говорит:

— Потом—это я уж просто для шутки. С приятным человеком приятно и пошутить...

Солдат усы подкрутил и спрашивает:

— А как насчёт поцелуя за отвагу?.. Я что-то с одного раза не разобрал. Нельзя ли...

— Нельзя,— отвечает красная девица.— Это занятие мы с вами пока отложим... Вот отвоюемся, тогда видно будет.

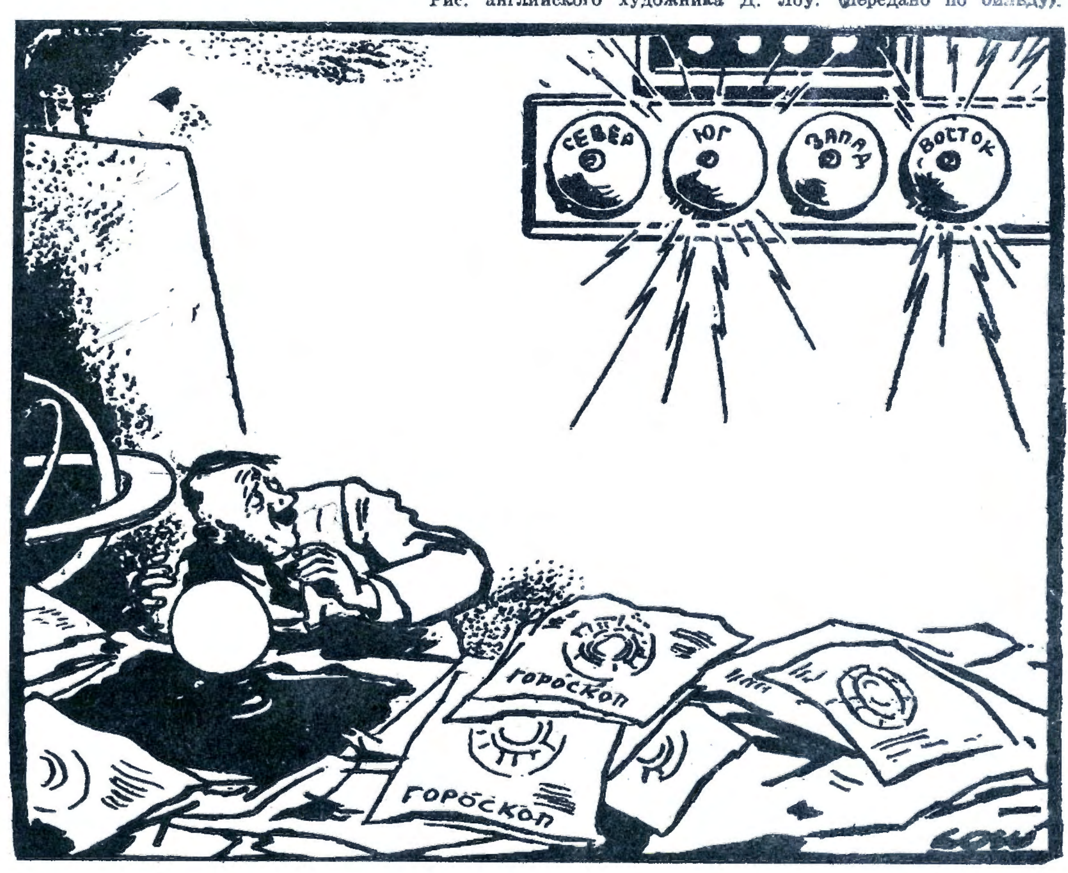
Ну, чем их знакомство кончится, я ещё и сам как следует не знаю. Может быть, будет разлука, а может быть, после победы—сговор да венец да мне на свадьбе пива корец.

А пока сказке конец!

Алексей **РЕЗАПКИН**

ТРЕВОЖНЫЕ ЗВОНКИ

Рис. английского художника Д. Лоу. (передано по бильду).

В карикатуре, присланной Крокодилу, есть некоторая неточность. Пока она шла из Лондона в Москву, уже зазвонил звонок «Запад».

ВЗАИМНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ

Рис. М. Черемных

ЛЕТЧИК ЕРЕМИН: — Выбирайте самолёт, вам платить!
ФЕРАПОНТ ГОЛОВАТЫЙ: — Нет, выбирайте вы, вам летать!

Наука для немцев

ИСТОРИЯ

Для немцев история этой войны делится на несколько периодов и тесно связана с носом Гитлера.

Древняя история (лето 1941). Гитлер, задрав нос, двинулся в поход.

Средняя история (зима 1941). Вышеупомянутый нос, получив крепкий щелчок под Москвой, клонится к земле.

Нижесредняя история (1942). Под опущенным носом Гитлера огромная сталинградская шишка.

Новая история (1943). Гитлер остался с носом.

Неважная история (1944). Нос распух. А, судя по всему, военные действия скоро будут происходить под самым носом у Гитлера! В общем влипли в историю!..

ГЕОГРАФИЯ

Остановимся на возвышенностях и реках.

Глагол «остановимся» употребляется здесь аллегорически. Сейчас ни на каких возвышенностях и реках немец долго остановиться не в силах.

Давно установлено, что гора с горой не сходится. Мы полагаем, что это правильно. Представьте себе, что в наши дни встретились бы Кавказские, Крымские и Карпатские горы. О чём бы они говорили? Об одном и том же: как у их подножий русские били немцев. Ничего нового и оригинального.

Что такое река? Река—это водный рубеж. Каждый водный рубеж имеет дно.

Спрашивается: может ли немец, опущенный на дно Волги, появиться на берегу Серета?

Нет, не может. Для Серета, Дуная, Вислы, Шпрее нужны другие немцы.

Реки впадают в моря, а немцы—в реки.

Все эти реки текут или с севера на юг или с юга на север. А форсируются — с востока на запад.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

Гитлер завёз из Германии в Россию много зверей: фрицев, «фердинандов», «тигров», «пантер» и вшей.

Установлено, что «тигры», «пантеры», равно и «фердинанды» прекрасно горят.

Вот вам вполне естественная история.

АРИФМЕТИКА

Под Сталинградом уничтожена 6-я германская армия. Другая немецкая армия, под тем же № 6, уничтожена в Корсуни.

6 + 6 =

Итак, 6 + 6 = нулю.

А сейчас займёмся вычитанием.

Фриц Швайн прибыл в Россию в 1942 году. Сколько он пробыл в России?

1944—1942=

Итак, для фрица 1944 минус 1942 равняется одному гробу, потому что здесь ещё надо вычесть из фрица одну пулю, полученную им от снайпера Степана Орлова.

Перейдём к делению.

Помещик фон Блох встретил на окраине белорусской деревни двух крестьян. Делим одного немецкого помещика на двух крестьян.

1 : 2 =

Словом, здесь без дроби никак не обошлось. Дробинка из охотничьего ружья попала фон Блоху не в бровь, а в глаз.

Из всех этих трёх действий вытекает и четвёртое — умножение. Близок день, когда ни одного немецкого захватчика не будет на русской земле. Это ясно, как:

2 × 2 = 4.

Кандидат всевозможных наук
Г. ПАНТЕЛЕЕВ

АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОГОНЕК

Рис. В. Горяева

Человек, к которому немцы боятся подойти на пушечный выстрел.

У РАЗБИТОГО КОРЫТА

У разбитого корыта
В день трёхлетия войны
Собирались сателлиты
На поминки, на блины.

На блины или на пышки —
Не могу определить.
Очень может быть, что шишки
Собрались они делить.

Растеряв свой хвост павлиний
И румян последний след,
Безработный Муссолини
Притащился на обед.

И, таинственно прикрытый
Епанчёю до бровей,
Прибыл Франко из Мадрида
На печальный юбилей.

Прибыл финн из Гельсингфорса
На убогий этот пир,
У него в локтях протёрся
Сшитый немцами мундир.

Прибыл мрачный гость венгерский.
Он давно в полях войны
Потерял свой облик дерзкий
И гусарские штаны.

И, задёрнув занавеску,
Чтобы свет не проникал,
Бухарестский Антонеску
Поднял краденый бокал.

— Пью, — сказал он, — за здоровье
Тех, кто некогда весной
Обещал нам Приднепровье,
А привёл наш фронт домой.

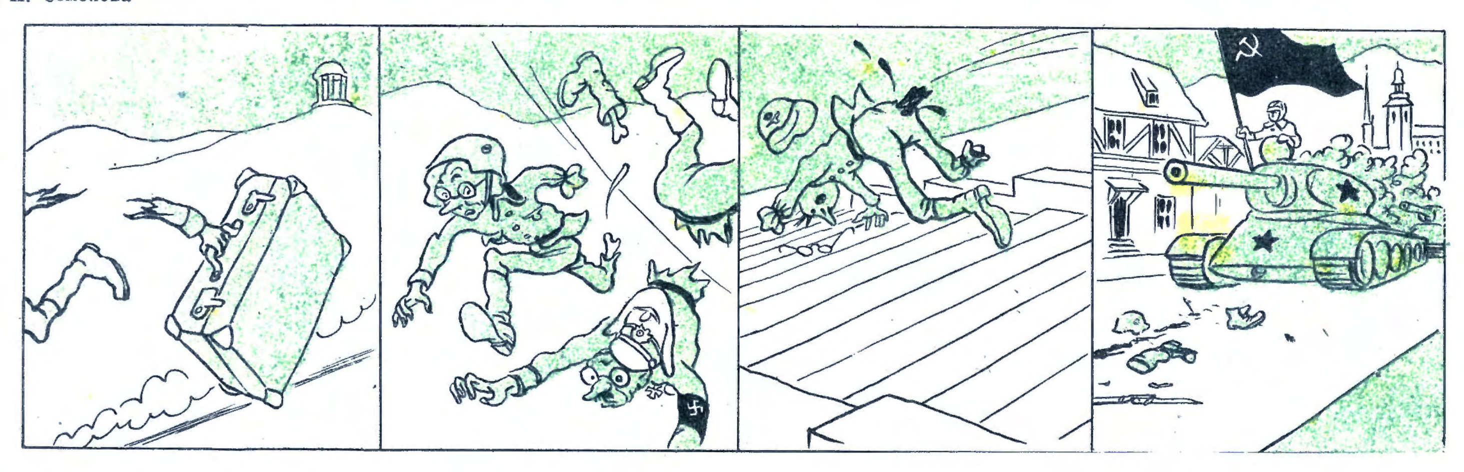
Сел на место Антонеску,
В это время свет погас.
С гулким грохотом и треском
За окном упал фугас.

Тьму рассеял бледный, мёртвый
И холодный луч луны,
Возвещающий четвёртый
И последний год войны.

С. МАРШАК.

КОНЕЦ КУРОРТНОГО СЕЗОНА

Рис. И. Семёнова

В Кисловодске фриц успешно потерял 30 кило (чемодан — 28 кило, рука — 2 кило).

В Крыму он потерял ещё 90 кило (одну ногу — 8,5 кило и всего полковника—81,5 кило).

В Одессе он прибавил 120 граммов (осколок шрапнели).

Окончательно же он поправится у себя в Германии. Вылечат его те же доктора, что и в России.

Непрочный элемент

Штурмбаннфюрер эсэсовского охранного отряда Освальд Винтертум славился среди своих коллег и подчинённых как человек, способный на всякие хитрые штучки.

Поэтому, когда в округе села Весёлая Горка появился партизанский отряд деда Гаврилы и фрицы ежедневно стали списывать в убыток людей, автомашины и имущество, Винтертум поклялся перед двумя приятелями, начальниками соседних охранных отрядов, что он этого деда Гаврилу изловит и зажарит живьём.

На следующее утро на стене комендатуры появилось собственноручно написанное Винтертумом объявление:

«ВСЕМ ПРОЖИВАТЕЛЯМ ОКРУГА ВЕСЕЛАЯ ГОРКА

Объявляется от немецкий командований, что личность, которая имеет изловить и доставить в живая или мёртвая наличность партизана под прозыванием «дед Гавриля» осчастливливается получать от германская правительство шесть гектаров хороший земля по свой набор и наверх этого десять литров чистая водка.

Штурмбаннфюрер СС О. Винтертум».

— Это будет иметь действие,—глубокомысленно сказал Винтертум, читая собственное творчество.

Три дня никто не шёл и не тащил за собой деда Гаврилу. Вечером четвёртого дня Винтертум лёг на пуховик в своей комнате, в бывшей сельской амбулатории. Подвинув к постели ночник, он углубился в чтение очередных инструкций по внедрению в население любви к Германии и заснул за этим почтенным занятием. Он проснулся от невежливого толчка в бок, протёр глаз и едва не свалился с пуховика, увидев у своего ложа трёх бородачей с пистолетами, направленными ему в переносицу.

— Вас ист дас? — спросил изумлённый штурмбаннфюрер.

— Третий час, — в рифму ответил ему один из бородачей. — Вставай, чучело немецкое, давай знакомиться. Я дед Гаврила.

Винтертум сидел на пуховике и хлопал выпученными глазами.

— Да что ты: как будто не рад? — спросил бородач. — Вот же чудак! То объявление вещает, чтобы меня к нему доставить, а когда сам доставился, он, гляди, недоволен.

— Что вы будете с меня делать? — с трудом выговорил Винтертум, щёлкнув зубами.

— А ничего,— засмеялся бородач,— просто пришли на тебя поглядеть да побалакать маленько. Это же ты сам писал? — и перед лицом Винтертума закачалось вышеуказанное объявление.

— Я писал, — скромно ответил штурмбаннфюрер, — капут Гитлер!

— Что Гитлер капут, это безусловно, — согласился партизан. — Но про Гитлера разговор потом. Сперва у нас с тобой отдельная беседа будет.

— Вы есть не должны меня убивать, — быстро сказал штурмбаннфюрер.

— А кто ж тебе, чудила, сказал, что мы тебя убивать хотим? Даже вовсе наоборот... Садись за стол, гостем будешь.

И так как Винтертум медлил последовать приглашению, железная рука подняла его за ворот и плюхнула на табурет у стола.

— Вот, видишь, милок,— сказал дед Гаврила,— прочёл я твоё объявление и, прямо скажу, расстроился. До чего же вы, немцы, щедрый народ! За такую незначительную личность, как я, целых шесть гектаров отваливаете! Видать, что у вас госконтроля нет, потому так и швыряетесь. А вот насчёт шнапса — это дело другое. Вот и хочу тебя, дружок, угостить. Стёпа, поставь их благородию шнапсу. Тринкай! Битте шнапс за наше здоровье!

— Данке,— робко произнёс Винтертум,— я не любиль пить на ночь.

— Чепуха,— ответил дед Гаврила и неторопливо вытащил из кобуры пистолет.— Пей, голубок! Ночью ещё способней, чем днём. Бог в темноте пьяницу не видит. Ты извини, что без закуски.

Дед ещё ближе придвинул кружку и взвёл курок пистолета. Услыхав этот звук, Винтертум зажмурился и поспешно опрокинул кружку в рот. Водка огнём хлынула по его телу, и он закашлялся.

— Чихни! — ласково сказал дед Гаврила, наполняя кружку опять.— Это помогает.

— Я... я больше не могу, — пролепетал штурмбаннфюрер, дрожа.

Чёрный кружок пистолетного дула уставился в его глаза, и голос деда Гаврилы, внезапно ставший угрожающим, загремел:

— Что? Партизанским угощением брезгуешь? Да как ты смеешь, немецкий клоп! Пей, собака!

Винтертум простонал и, закрыв глаза, выпил вторую кружку. Дед Гаврила тотчас же наполнил её в третий раз. Изба поплыла у немца перед глазами, и дед Гаврила раздвоился.

— Пей, пей, милок! — приговаривал партизан. — Водка — чистый первач! Пей без капризу!.. А то у меня характер нетерпеливый стал.

Винтертум выпил, вдруг заклохтал, как курица, и грузно сполз под стол.

— Пущай передохнёт, — сказал дед Гаврила,— достаньте-ка, хлопцы, огурчиков, теперь мы выпьем по кружечке.

Через полчаса дед Гаврила приказал поднять Винтертума. Но тот не очнулся даже от пинка сапогом. Тогда Стёпа наклонился над ним и заглянул в лицо.

— Не дышит,— сказал Стёпа, выпрямляясь.

— Да ну? — удивился дед Гаврила.— Вот-те и на! Не ожидал. Я думал малость споить его, чтоб легче было утащить его в лес, а он того-с... До чего слабая нация! Непрочный элемент! Сплошные эрзацы! Пора, ребята, до лесу. Пошли!

И, закончив надгробное слово над Винтертумом, дед Гаврила вместе с товарищами вышел из избы, и все трое растаяли в серых, предрассветных сумерках.

Борис ЛАВРЕНЕВ

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

Население Германии встревожено появившейся кометой, считая её дурным предзнаменованием.

Рис. Б. Фридкина

— Чудаки! Я появляюсь раз в триста лет, эти «Либерейторы»— ежедневно, а валят всё на меня.

Внешний дефект

(Из рассказов полкового парикмахера Кузьмы Ивановича Козырькова)

С Кузьмой Ивановичем Козырьковым по знакомился я в бытность мою на фронте.

Не один раз он брил и стриг меня в своём чистеньком блиндаже и очень понравился мне как искусный мастер и весёлый, словоохотливый человек. Придёшь, бывало, к нему бриться—и обязательно унесёшь с собой какую-нибудь забавную историйку из фронтовой жизни.

Некоторые рассказики Козырькова показались мне тогда не лишёнными смысла, и я записал их для памяти в свою фронтовую тетрадь.

Вот один из них, записанный мною так, как его рассказывал Кузьма Иванович.

* * *

— Бриться будете? Садитесь!.. Только предупреждаю: если придёт товарищ подполковник, вам придётся временно встать, даже если вы и будете весь в мыле, как конь! Товарищ подполковник не могут ждать ни минуты: у них в 18.00 допрос пленных фрицев. Что вы смотрите на бритву? Ну, да, это немецкая бритва, трофейная. Ничего бритва, но знаете, как говорится, форсу больше, чем морсу... Наша златоустинская сталь лучше. Вообще должен вам сказать, что я разочаровался в немецкой технике... Не беспокоит? Говорят, немец обезьяну выдумал... Может быть, оно и так, но если вы возьмёте хорошую собаку, учёную, которая умеет выделывать разные фортели, то она будет куда занятнее немецкой обезьяны. Видал я их в Сухуме, в питомнике: сидит такой сморчок на ветке, зад у него, извините за выражение, красный, как семафор, на морде полная чахотка. Не стоило и выдумывать! Височки носите прямые? Слушаюсь! Нет, кроме шуток, я замечаю, что немецкая техника всегда старается ударить в нос... По-учёному сказать, бьёт на внешний дефект. В начале войны она даже кое-кого поражала... Не скрою от вас: я сам был подвержен такому уклону и даже пострадал на этой почве два раза — по пустяковому случаю. Сядьте ровней, будьте любезны... Первый раз это дело так было... Пришёл ко мне бриться разведчик Пахомов... Побрился и вдруг подаёт мне красивенькую коробочку с картинкой: блондинка нюхает розу... «На,—говорит,—Кузьма Иванович, возьми себе — ребята нашли в немецком блиндаже».

Я по-немецки не обучен ни читать, ни писать... Что, думаю, может находиться в такой красивенькой коробочке? Открываю: пудра! Понюхал: запах резкий, но заграничный... А тут как раз входит товарищ подполковник. Побрил я его и говорю: «Разрешите трофейной пудрой вас попудрить, товарищ подполковник? Здорово, говорю, всё-таки немец, собака, делает пудру, и запах, говорю, у неё очень дальнобойный и упаковка шикарная!

А товарищ подполковник взял коробочку, посмотрел и засмеялся.

— Упаковка,—говорит,—действительно шикарная, но только это не пудра, а порошок против клопов и тараканов.

Я чуть со стыда не сгорел! Не беспокоит? А потом этот порошок мы испытали по его прямой специальности. Оказался дрянью и надувательством. Может быть, ихнего прусака он и брал, а нашего запечного матёрого чёрного таракана даже и не беспокоил! Напудришь его немецким порошком до того, что он, подлец, седым весь станет, а ему хоть бы что! Бежит себе рысью, водит усами от удовольствия... Одеколон употребляете? Слушаюсь!..

А вторая историйка произошла у меня с немецкими консервами. Повар наш Пётр Петрович надумал угостить меня трофейной говядиной. Круглая такая, наглухо запаянная металлическая банка... А тогда только и разговоров было про немецкие мины-сюрпризы.

Посмотрел я на эту банку, меня вдруг и осенило: мина!

А Пётр Петрович уже орудует кухонным ножом, вскрывает эту мину.

Я мигом отбегаю на почтительное расстояние и оттуда кричу ему:

— Бросайте нож, Пётр Петрович! Там мина с часовым механизмом!

— Где?

— В банке!

Пётр Петрович, натурально, бросает нож и сигает прочь от опасной банки.

А она лежит и не взрывается. Постояли мы минут десять. Пётр Петрович говорит:

— Я всё-таки рискну и разминирую сейчас эту банку, потому что мне очень интересно, как шефу, попробовать немецкую тушонку.

Берёт нож—и крак!—вскрывает банку.

И вдруг из банки начинает сыпаться какая-то чёрная труха. Пётр Петрович берёт щепотку этой трухи, кладёт в рот и начинает жевать. Потом говорит:

— Вкус кисловатый... И как будто отдаёт мочалкой.

Я кричу:

— Выплюньте сейчас же! Это взрывчатка! Пётр Петрович плюется, как верблюд, и заявляет:

— Я сейчас сбегаю к сапёрам, достану бикфордов шнур, и мы с вами взорвём эту трофейную канитель к чертовой бабушке!

Побежал, достал бикфордов шнур. Пошли мы с ним подальше в лес, приладили к банке шнур, подожгли, а сами залегли на ближайшем холмике, ведём наблюдение.

Вот уже добежал огонёчек до самой банки, я голову в плечи и даже глаза закрыл: «Вот, — думаю, — бабахнет сейчас!»

И вдруг слышим: тук!

Слабый такой звучок, будто кошка фыркнула.

Открываю глаза—вижу, горит наша банка синим огоньком, как лампадка...

Погорела минут десять и потухла. А тут появляется—леший его принёс на нашу голову—Васильев, старшина из роты связи, солидный мужчина, бреется через день.

— Что вы тут колдуете, ребята?

Узнал в чём дело—и ну хохотать!

— Какая же, — говорит, — это взрывчатка, когда налицо мы имеем обыкновенный сухой спирт. У этой банки двойное дно, чтобы её можно было разогревать на сухом спирту в походе. Немецкая техника!

Техника-то она, действительно, техника... Только я в ней после этого случая окончательно разочаровался.

Во-первых, потому, что Васильев сболтнул кому не след, о том, как мы трофейные консервы взрывали, и комендант штаба закатил мне и Петру Петровичу по пять нарядов.

А во-вторых, потому, что говядина в этой проклятой банке тоже оказалась дрянью, вроде того порошка... Жилы какие-то собачьи, хрящи—одна скука, а не мясо... Его хоть на сухом спирту разогревай, хоть мокрым запивай, всё равно дрянь! Нет, я вам правду говорю: у немца всё рассчитано на внешний дефект... Да вы возьмите ихних «тигров»! Какой крик подняли! Они-де, и непробиваемые и неподжигаемые... А мы из этих «тигров» за милую душу делаем драных кошек... То-то и оно! А название—это и я могу придумать... Возьму и стану называть свой помазок «леопардом»... А из него весь волос вылез, видите? Ну вот вы и готовы! Как раз и товарищ подполковник идёт! Вставайте, вставайте! Счастливого пути! Приедете в следующий раз, заходите! Подмолодим!

Леонид ЛЕНЧ

НАСТУПИЛИ ДНИ ДРАПЕСКУ...

Надоела мамалыга.
Русский хлеб давай на стол!
Предвкушая массу выгод,
Шли румыны на Восток.
Шли за Гитлером, как шавки,—
Раздавался звон мечей,
Представители державки
Балаганных скрипачей.
Удалось. Вошли. Засели
В город, в пригород и в порт.
Жрали. Радовались. Пели
И на скрипочках сопели:
«Наш Одесса! Крым! Курорт!»
Там они два года крали,
Били, вешали и жгли.
Загорали. Забирали
Всё с моей родной земли.
Но начавшийся удачно
В сорок первом марш-парад
И сезон курортно-дачный
Провалились к чорту в ад.
Удирают без оглядки,
Покидая города,
Лихо смазывают пятки,
От границы кто куда...
Под каким они навесом
Шкуру думают спасти?
Мы дойдём. Найдём. Повесим.
Им следов не замести!

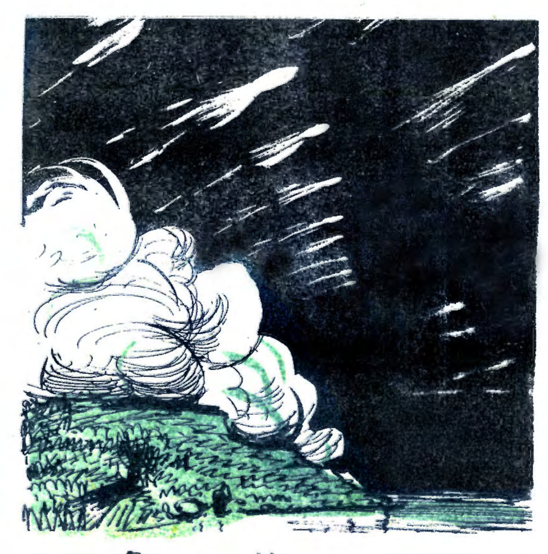
Капитан Владимир ХАРЬЮЗОВ
Действующая армия.

КЛАССИКА И ВОЙНА

Рис. А. Каневского

Катерина из «Грозы».

Гроза из «Катерины».

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО

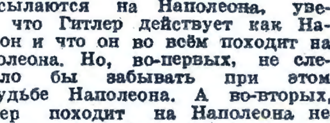
Рис. Бор. Ефимова

Гитлер, Геббельс, Риббентроп, Гиммлер и другие правители нынешней Германии являются цепными собаками немецких банкиров, ставящими интересы последних превыше всех других интересов.

(И. Сталин).

1 У Круппа была собака.
Он её купил,
И с цепи для крупной драки
Крупп её спустил.
Спустил — и прогадал.
И мир весь увидал,
Что—
У Круппа была... Однако
Краткий вывод скуп:
Будет вздёрнута собака
И повешен Крупп!

Ссылаются на Наполеона, уверяя, что Гитлер действует как Наполеон и что он во всём походит на Наполеона. Но, во-первых, не следовало бы забывать при этом о судьбе Наполеона. А во-вторых, Гитлер походит на Наполеона не больше, чем котёнок на льва...

(И. Сталин).

2 ГИТЛЕР: — Совершенно ясно, кто лев! Ведь львиная доля побоев в России досталась не тебе, а мне.

Опыт войны убедил нашего бойца, что так называемая храбрость немецкого офицера является вещью весьма относительной, что немецкий офицер проявляет храбрость, когда он имеет дело с безоружными военнопленными и с мирным гражданским населением, но его покидает храбрость, когда он оказывается перед лицом организованной силы Красной Армии. Припомните народную поговорку: «молодец против овец, а против молодца — сам овца».

(И. Сталин).

3 Карта из шулерской колоды. Уже давно имеет хождение только в перевёрнутом виде.

Вступая в войну, участники гитлеровского блока расчитывали на быструю победу. Они уже заранее распределили кому что достанется: кому пироги и пышки, кому синяки и шишки. (Смех, аплодисменты). Понятно, что синяки и шишки они предназначали своим противникам, себе же — пироги и пышки. Но теперь ясно, что Германии и её холуям не достанутся пироги и пышки, что им придётся теперь делить между собою синяки и шишки.

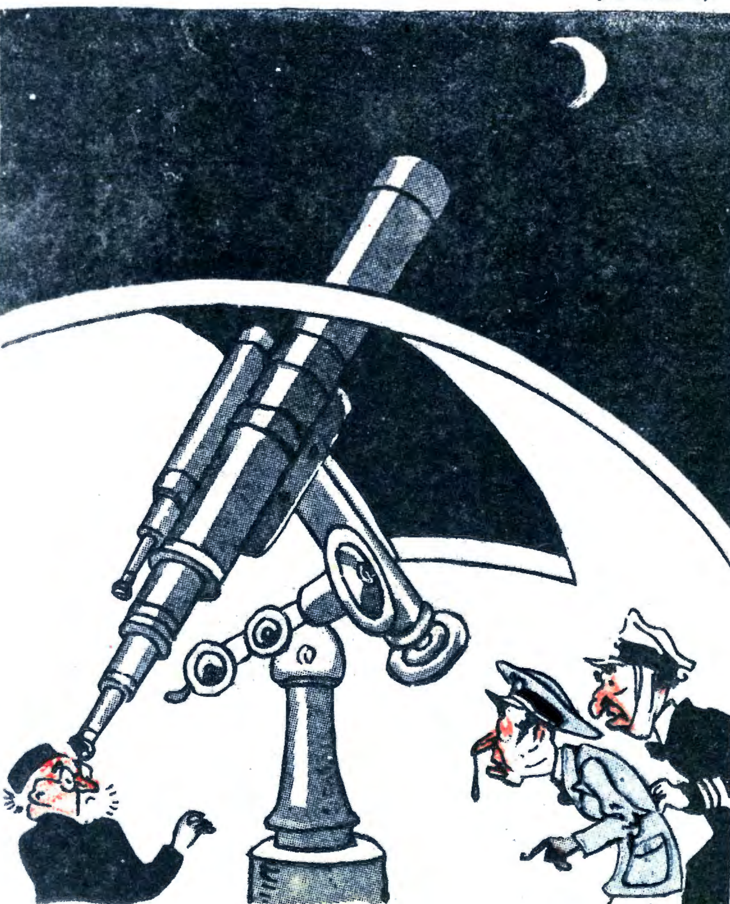
(И. Сталин).

4 Наелся досыта!

Сообщники гитлеровской Германии по грабежу, ещё не так давно покорные своему хозяину, ныне, когда пришло время отвечать за разбой, смотрят в кусты, выбирая удобный момент, чтобы незаметно улизнуть из разбойничьей шайки.

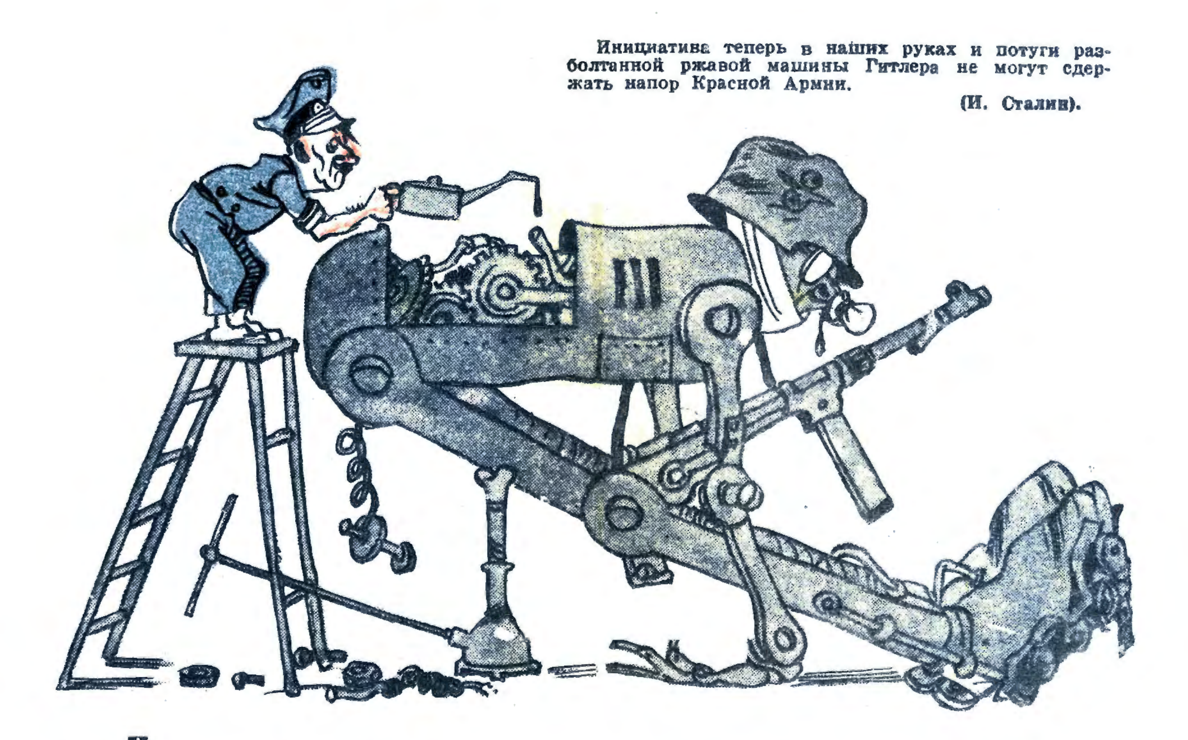
(И. Сталин).

5 — Скажите, далеко до луны?
— Порядочно.
— А кусты там есть?

Инициатива теперь в наших руках и потуги разболтанной ржавой машины Гитлера не могут сдержать напор Красной Армии.

(И. Сталин).

6 — Не понимаю: что случилось с машиной? Без конца меняю части, а она всё назад пятится.

Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге.

(И. Сталин).

7 БЕРЛ~~ИН~~ога.

Соловей-пташечка

...А ЕЩЕ был такой факт.

Как-то раз Соловей-пташечка замещал в части старшину. И вот он самым официальным образом написал заявление... самому себе:

«Временно исполняющему должность старшины Н-ского подразделения тов. С. Елфимову.

Прошу выдать мне из вещевого склада одну (1) новую гимнастёрку и одну (1) пилотку.

Ефрейтор С. Елфимов».

Написав это сочинение, Соловей-пташечка внимательно прочитал его, укоризненно покачал головой и, ехидно улыбаясь — но всё же мягко, чтоб не обидеть человека,— сказал самому себе:

— Многого вы захотели, уважаемый товарищ Елфимов. Так нельзя...

И тут же на заявлении учинил строгую резолюцию:

«В выдаче гимнастёрки отказать... Одну (1) пилотку отпустить. Ефрейтор С. Елфимов».

Чудак парень, этот маленький ефрейтор с синими, всегда смеющимися глазами! Хоть убей, не разберёшь, шутит ли он с тобой или ведёт деловой разговор.

— Как ваша фамилия? — спросит он иного бойца.

— Пахомов, товарищ ефрейтор!—отвечает боец.

— Вот оно как! А скажите, будьте ласковы: тот Пахомов, который во втором взводе,— это не ваш брат?

— Никак нет, товарищ ефрейтор.

— Я сразу догадался, что не брат. Ну совсем непохож!

А то ещё выкинет такую штуку:

— Кравчук! Познакомлю тебя сегодня с одним новым бойцом. Прибыл к нам из другой части. Фамилия ему—Гриб. Замечательный солдат! Только малость попорченный. От контузии временно оглох. Так что ты с ним разговаривай во весь голос.

То же самое он говорит и Грибу:

— Сведу я вас как новоприбывшего с одним нашим старым солдатом—Кравчуком. Вам будет пользительно потолковать с ним. Только обязан предупредить вас: оглох он недавно после контузии. Так что не жалейте глотки в разговоре.

И вот вечером в землянке начинается спектакль при участии двух мнимоглухих. Один кричит, а другой ещё пуще нажимает. Кравчук уверен, что Гриб ни бельмеса не слышит. А Гриб убеждён, что Кравчук глух, как старый тетерев. Орут они оба этак часа полтора на потеху всем обитателям землянки...

Справедливости ради надо отметить, что бывают моменты, когда вся рота, как один человек, остро ненавидит синеглазого ефрейтора.

Дело в том, что Соловей-пташечка любит петь.

А между тем бог наградил эту пташечку таким голосом, что в сравнении с ним вой сирены воздушной тревоги кажется любовной серенадой.

А пел он всю жизнь лишь одну песенку — «Соловей, соловей-пташечка». Пел он её на всякие лады: иногда—с грустью, иногда — залихватски весело. Но и в том и в другом случае получалось одинаково страшно.

Из-за этой-то песни за Елфимовым в части и закрепилась кличка «Соловей пташечка».

В отличие от многих других оперных солистов Елфимов к ужасу окружающих неустанно тренировался. Но, зная, какое неотразимое впечатление он производит на слушателей, Елфимов ободрял товарищей:

— Ничего, братцы: вот кончится война, тогда уж больше не услышите моего пения.

Это заявление ещё более усилило среди ребят решимость скорей разгромить врага и кончать войну...

Но во всём остальном ефрейтор Елфимов пользовался авторитетом.

Его уважали и любили за хороший характер, за веселье и за добрую солдатскую смекалку.

Как-то раз немцы подбили наш танк. Надо было во что бы то ни стало эвакуировать его с поля боя.

Но как к нему подойти? Место совершенно лысое.

Решили действовать ночью. Но тут опять неувязка. Ночи тогда стояли такие густые, тёмные, что можно было вместе с танком заблудиться чорт знает куда.

И вот тут-то Соловей-пташечка выступил с конкретным предложением.

— Надо,— говорит он,— осветить дорогу.

И говорит, представьте себе, вполне серьёзно, без малейшей улыбки.

К Соловью подходит его друг сержант Капустин и спрашивает ласково и участливо:

— Мать у тебя жива?

— Жива.

— Ну и слава богу. А всё же жаль бедняжку. Хорошая старушка. А сын у неё не совсем удачный. Ну, пойми ты, голова еловая: как же можно осветить дорогу? Чтобы фрицам показать, куда лучше стрелять?

— Надо осветить дорогу,—твёрдо повторил Елфимов, — но так, чтоб немцы этого света не видели и не замечали.

— Хорошая старушка. Жаль бедняжку, — упорно стоял на своём сержант.

Но Соловей пропустил его реплику мимо ушей.

— Надо для этого,— продолжал он,—найти в лесу гнилое дерево.

Разыскали в лесу старое, гнилое дерево. Труха от этого дерева светит ночью, словно циферблат. Набрали «светлячков» несколько мешков и усыпали ими всю дорогу до танка. Светлячки сами светились, а света не рассеивали.

Вот таким-то манером и вытащили тяжёлый танк из-под самого носа у фрицев. После чего сержант одобрительно похлопал по плечу Елфимова и сказал ему:

— А старушка твоя не прогадала, родив такого, как ты.

Не желая остаться в долгу, Елфимов ответил:

— Возможно даже, что ей больше повезло, чем твоей.

А чтоб окончательно отомстить сержанту за его издёвки, Соловей-пташечка тут же, не сходя с места, запел. Капустин бросился бежать, куда глаза глядят...

Недавно я побывал в Н-ской части. Меня познакомили с Соловьём-пташечкой. И вот рассказал он мне любопытную историю о своей переписке с родителями:

— Мои старики живут на Волге, в колхозе «Победа». Переписка у нас самая точная.

Папаша — не большой охотник до писательства. А мамаша, дай ей бог здоровья, та старается изо всех сил.

Недавно, к примеру, описал я домой подробно, как мы гоним немцев и как перерезали их коммуникации.

В ответ старуха написала мне:

«Не знаю, сынок, что это такое коммуникации. Но ежели они немецкие, то продолжайте их резать до полного конца».

А дальше, доложу я вам, начинается интересная история. Папаша мой, оказывается, подарил танк Красной Армии.

А я об этом не знал. Может, он и написал мне. Но, видно, письмо не дошло.

Но вот раз через один освобождённый населённый пункт, где мы стояли, прошла танковая часть. И на одной машине я успел прочитать надпись: «Подарок колхозника Степана Кузьмича Елфимова, колхоз «Победа», Саратовской области».

«Ага!—подумал я.—Вот какие дела! Надо своих стариков потешить и передать им привет от родного танка». И написал я им благодарственное письмо чужим почерком, как будто от водителя танка и подписался: «С. Пташечка». И адрес дал: свой номер полевой почты, товарищу С. Пташечке.

И тут вскоре развернулась активная переписка между моими родителями и С. Пташечкой. А наши ребята были предупреждены на этот счёт и письма мне передавали.

В одном из писем С. Пташечка сообщил им, что он в боевой обстановке познакомился с их сыном С. Елфимовым. И что сей ефрейтор Елфимов—бравый парень и все хорошие достоинства, надо полагать, усвоил по наследству от своих дорогих родителей.

Тут же я добавил, что особенную радость бойцам, командирам и политработникам их сын доставляет своим замечательным пением, за что тоже С. Пташечка приносит им сердечную благодарность.

Вскоре после этого получаю из дому письмо. Пишет сам папаша. И пишет он мне, то есть Елфимову, что совершенно запутался и не понимает, в чём дело. Получил он, видите ли, письмо от настоящего водителя танка. И фамилия у того танкиста — Петух.

«Кто же,—спрашивает папаша,—управляет моим танком: Петух или Пташечка? Или, может, у вас там петухи называются птахами? Но тогда почему у Петуха один адрес, а у Пташечки — другой?»

Задал мне задачу старик! И вот мучаюсь я целую неделю и не знаю, что ответить и как мне выйти из этого положения...

В тот же день я встретил капитана Николаева. Между прочим, рассказал ему о своей беседе с Елфимовым и об истории с Петухом и Пташечкой.

Капитан весело рассмеялся.

— Значит, и вы попались!—сказал он.—Всё это он сочинил. Его отец действительно подарил танк Красной Армии. А остальное—переписка и прочее—сплошная выдумка. Соловей-пташечка, видите ли, пишет рассказ на эту тему для фронтовой газеты. Вот он на вас и решил проверить свой писательский талант.

Г. РЫКЛИН.

ЗАКОННАЯ ГОРДОСТЬ

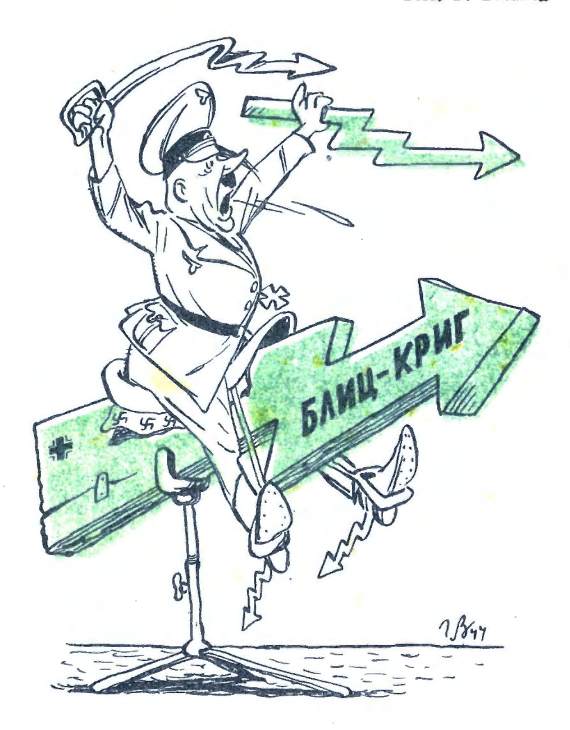
Рис. Л. Бродаты

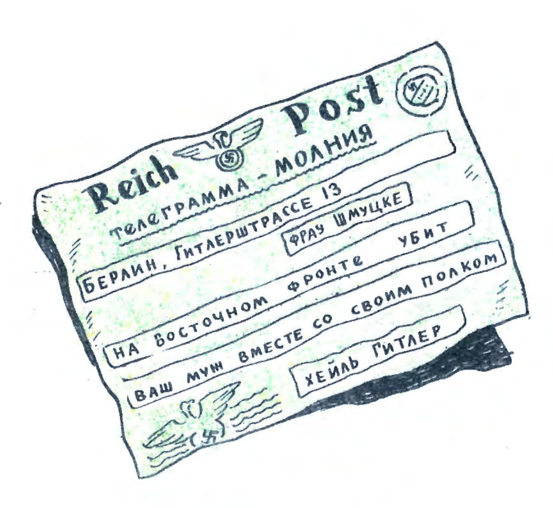
— Смотри, папа! Это про меня написано.

ТРИ МОЛНИИ

Рис. Г. Валька

1941 год.

1942—1943 годы.

1944 год.

Рис. К. Елисеева.

А где у Гитлера вторая нога?

(См. рисунок на свет).

На тот свет

Дом с колоннами, фамильный дом баронов фон Шутт, который почтительно-завистливыми соседями подобострастно именовался шлосс,— этот замок взлетел на воздух.

Он это сделал так же легко и просто, как и десятки соседних вульгарных домиков без гордого прошлого. Фонтаном прыснули в небо столетние трубы, и крыши, и стены из дикого камня. Не говоря о мелочи — о дубовых дверях, каминах, зеркалах и о самом хозяине, старом Карле фон Шутте. Всё это взмыло вверх с лёгкостью пуха из распоротой перины.

Фон Шутт как сидел в глубоком кресле, так и полетел. В его потрясённом мозгу не успела пронестись ни одна мысль. Он только потерял свои ночные туфли. Но полёт длился, длился, и мысли постепенно возвращались:

«Если это на тот свет, то почему так долго?»

Но вот, сделав последний рывок, кресло приземлилось, и барон почувствовал себя на твёрдой почве. И сейчас же рядом с ним послышалось шипящее: «Ахxx!..»—точно шина испускала дух.

«Бомба! Летела за мной и догнала. Конец!..»—и фон Шутт впился в ручки кресла остроконечными пальцами.

Но звук повторился, блеющий и тонкий, как свирель. Барон быстро выглянул из кресла и оживился:

— Это вы?

Рядом, на куче щебня, фосфорически светилось женское тело. Он не мог ошибиться. Это было оно, фамильное привидение, тень прабабки Клотильды фон Шутт, наводившее ужас на третье поколение фон Шуттов.

В это время воздух снова начал наполняться знакомым шумом гуляющей в небе смерти.

Где-то ахнула и содрогнулась земля. Еще и ещё раз. Убедившись, что разнесло кого-то другого, барон пришёл в хорошее расположение. Ему даже захотелось поболтать. И он был рад душе, хотя и не живой, но всё же способной разделить компанию, а главное — родственной.

— Собственно говоря, вы должны были погибнуть вместе с домом. Вы же старинное фамильное привидение, ваши кости замурованы под кабинетом прадедушки?

— Ах, косточки мои!—жалобно проблеяла тень.—Их теперь, небось, разнесло по всему Берлину! Где же мне их собрать!

— Бесполезное дело,— согласился фон Шутт.—Ещё наберётесь чорт знает чего, чьих-нибудь других. Мало ли тут сейчас под развалинами!

— Ах как будет маяться моя несчастная душа!

— У всех несчастные, у всех маются,— резонно сказал фон Шутт, — и к тому же по серьёзным причинам. Утром маются, когда слушают сводку, днём—от столкновения с грубым бытом, ночью — в убежище. Но ваша душа, гроссмуттер, по-моему, мается по совершенным пустякам. Кстати, чем вас угробил мой прадед?

— Шандалом,— прошелестела тень под халатом.

— Ну, вот видите, лёгкая, хорошая смерть! Трах — и всё. Нет, вы попробовали бы умирать по нескольку раз на дню. От страха, что тебя рано или поздно поволокут на русский фронт! От ужаса, что бомба вгонит тебя в недра земли прямым попаданием! От отчаяния, когда подумаешь о близком будущем! Между прочим, за что же он вас тарарахнул шандалом? Об этом ходит какая-то фамильная легенда.

Привидение прабабки Клотильды жалобно застонало:

— За два часа! За несчастные два часа, неосторожно проведённые мною с одним румынским князем.

— Ей богу за дело!—одобрил фон Шутт.—Румыны, эти чёрные, грязные свиньи, которые ничего не смогли удержать—ни Одессу, ни Севастополь! И после этого...

— Ах, это было не после этого, а до этого. Но знайте: я поклялась мстить фон Шуттам до десятого колена!

— С чем вас и поздравляю,— иронически раскланялся барон.— Десятого колена не будет. Последнее колено—это я. Мой Иоганн, продолжатель рода, сам стал привидением под Ленинградом...

После небольшой паузы барон спросил:

— Гроссмуттерхен, дело прошлое: кроме румына был ещё кто-нибудь?

Привидение замялось.

— Так, пустяки...

— Нет, позвольте, вовсе не пустяки! Если они были иностранцами, то, возможно, и я совсем не германского происхождения?! Ха! Вот что хорошо бы использовать!

— Помнится, было время, вы хвастались именно, моей арийской чистотой.

— Времена меняются, хвастовство—тоже. Вчера можно было хвастать одним, а завтра этому цена—ломаный пфенниг.

На горизонте, над чёрными дымящимися развалинами, посветлело небо. Привидение всколыхнулось.

— Куда?—забеспокоился фон Шутт.

— На тот свет, конечно.

Вокруг было зловеще, дымно и неуютно. Ноги стыли без ночных туфель. Он сказал просительно:

— И я с вами.

Они пошли по улицам: впереди — привидение прабабки Клотильды, позади — Карл фон Шутт, косолапо ступая по щебню ногами в одних носках.

Из убежищ вылезали тени. Глядели с опаской на небо, с недоумением—на новые разрушения. Одна сказала другой, провожая глазами прабабку Клотильду:

— Посмотрите, какие ещё водятся крепкие женщины. В полном соку. Зато уж за ней волочится настоящее привидение. Брр! Даже страшно.

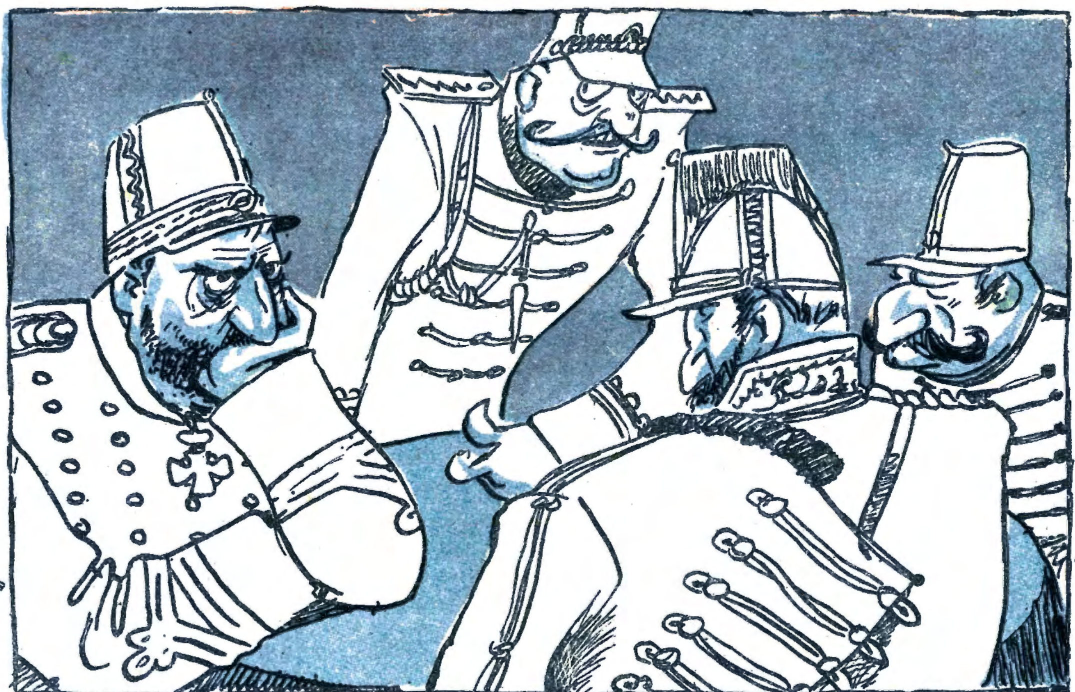
— Страшно...—прошептал фон Шутт.—Нет, на тот свет, поскорей на тот свет!

В. КАРБОВСКАЯ

Надеемся, что читатель хоть отчасти удовлетворён. Вполне удовлетворён он будет, когда Гитлер окажется обеими ногами в гробу.

СЛУШАЛИ—ПОСТАНОВИЛИ

Рис. К. Елисеева

Венгерский генеральный штаб постановил бороться до конца.

А венгерские солдаты подняли обе руки за это предложение... при первой же встрече с русскими.

ВОРОН

(ПО ЭДГАРУ ПО)

Каркнул Ворон: «Никогда!»
(Эдгар По «Ворон»)

Чуя в небе смерти жало,
Чёрный дом с крутым подвалом
Скрыл, как логово шакала,
В подземелье кабинет.
В тусклом свете кабинета
Тот, кто проклят всей планетой,
С нетерпеньем ждал рассвета,
Злым предчувствием томим...
У коричневой гардины
Он склонил свой лоб звериный:
Поражений список длинный
Был развёрнут перед ним.
Как палач, казнивший многих,
Сытый кровью, зверь берлоги
Вдруг зевнул и, скорчив ноги,
Тут же в кресле захрапел.
И приснился сон бандиту,
Будто ворон, жалкий с виду,
Весь израненный, избитый,
В кабинет к нему влетел.
Странный гость бесцеремонно
Сел на бюст Наполеона
И сложил спокойно крылья,
Словно жил он тут всегда...
Бросив беглый взгляд на вещи,
Ворон вдруг по-человечьи
Крикнул Гитлеру зловеще:
«Никогда!»
Этот крик смутил злодея.
Гитлер чуть привстал, бледнея,
Но, как будто не робея,
Громко молвил: «Ерунда!
Отвечай: удастся ль вскоре
Мне союзников поссорить
Нам на радость, им на горе?»
Каркнул ворон:
«Никогда!»
Гитлер шепчет: «Жарко! Круто!
Был на Волге, стал за Прутом...
О, снабди меня маршрутом:
Коль бежать мне, то куда?
С каждым днём сильней удары
Отвечай мне, хищник старый:
От всемирной грозной кары
Можно ль скрыться без следа?»
Каркнул ворон:
«Никогда!»

М. ДОЛИНСКИЙ

г. Кисловодск

МАЙСКАЯ НОЧЬ

— Ох, когда же эти англичане кончат нас бомбить?

— Успокойтесь, фрау: англичане три часа тому назад кончили, сейчас бомбят американцы.

Красноармеец М. СТЕПАНОВ

ДЕРЕВО СИСТЕМЫ ГЕББЕЛЬСА

— Немецкая пропаганда утверждает, что на атлантическом побережье каждое дерево превращено в укреплённый пункт с орудием и пулемётами.

— Интересно посмотреть, что это за дерево.

— Чистейшая липа.

ТОТАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

ДЕДУШКА:—Где ты шлялся, Ганс? Твой дедушка уезжает на фронт, а ты, паршивый мальчишка, не можешь придти вовремя. Вот я тебе надеру уши, сопляк!

ВНУК:— Во-первых, я не шлялся, а был на призывном пункте, во-вторых, я уже не сопляк, а ефрейтор, и, в-третьих, рядовой Шульц, попрошу стоять смирно, когда вы разговариваете со старшим.

ФЕДОТ

1

Из краёв освобождённых,
С чёрной, выжженной земли,
В специальных эшелонах
К нам сироток привезли.
И девчонки и мальчишки.
Двести маленьких сирот,
Все детишки, как детишки,
А один из них — Федот,
Очень некрасивый...
Глазки неразборчивого цвета,
Носа почитай что вовсе нету,
Брови несравнимые ни с чем,
Шевелюра ввиде кока...
В общем будет с ним морока,
Как ни с кем.

2

И начальник эшелона
Осмотрел своих ребят.
Знает он определённо,
Что их всех усыновят.
Но начальника тревожит
Этот маленький Федот.
Он в семью войти не сможет —
Кто ж такого-то возьмёт?
Подумать только...
Глазки неразборчивого цвета и т. д.

3

Дед один пришёл за делом:
Внучка по сердцу искал,
На Федота поглядел он,
Охнул, ахнул и сказал:
— Всех ребят без исключенья
Разберут и без того...
Напишу-ка заявленье,
Чтобы дали мне его.
А то кто ж его возьмёт.
Шутка ли —
Глазки неразборчивого цвета и т. д.

4

Отошёл старик в сторонку.
Ждёт. Вошли жена и муж.
Взять хотят себе девчонку,
И красивую к тому ж.
Осмотрели всех вначале,
На Федота оба глядь...
Головами покачали
И его решили взять:
Жалко парня — один ведь останется с такой внешностью...
Глазки неразборчивого цвета и т. д.

5

К вечерку пришёл начальник,
Погасил ребятам свет,
На мальца взглянул печально
И прошёл в свой кабинет.
Смотрит... об усыновленьи
Просьб не менее двухсот,
И на каждом заявленьи
Имя значится — Федот.
И ахнул начальник: «Кому ж я его теперь отдам? Говорил же я, что с ним возни больше всего будет. Потому что
Глазки неразборчивого цвета,
Носа почитай что вовсе нету,
Брови несравнимые ни с чем,
Шевелюра ввиде кока...
В общем будет с ним морока,
Как ни с кем».

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ

Рис. Кукрыниксы

— Какова же моя судьба?
— Ясна, как на ладони: все линии разорваны!

Ковпак закуривает...

НЕДАВНО я встретил его в Киеве. Он был в той же видавшей виды бараньей шапке, в том же старом мадьярском тулупе, в котором я видел его год тому назад далеко от Крещатика, в глубоком тылу у немцев.

— Когда же вы, Сидор Артемьевич, наденете генеральскую шинель? — спросил я его.

Он полез в карман за табаком и озабоченно сказал:

— Шьют, шьют. Скоро надену. Красавцем буду.

Достав табаку из кармана, угрюмо добавил:

— Волнует меня один вопрос. Прямо не знаю, как мне быть. Воспитан на цыгарках. А карманы в генеральских шинелях маловаты. Такого кармана с табаком мне будет хватать не больше, чем на три цыгарки...

Кто на Украине и Полесье не знает деда Ковпака?! Кому не люб этот овеянный славой старик, партизанский генерал, дважды Герой Советского Союза?!

И кто на Украине — от Харьковщины до самой польской границы — не знает знаменитых ковпаковских цыгарок? Каждая цыгарка — дымоходная труба в аршин величиной. С утра закуришь, в обед закончишь.

Заядлый курильщик — Сидор Артемьевич! Крепкий табак у него. Немцы задыхались от дыма ковпаковских цыгарок. Много бы дали немцы за этого курильщика! Они оценивали его голову в десятки, сотни тысяч рублей.

А Ковпак спокойно и деловито крутил свои цыгарки под Пинском, за Житомиром, за Луцком, в степях Киевщины, в черниговских лесах — под самым носом у немцев!

1

* *
*

Это было прошлой весной. На Киевщине есть такая деревня Блитча. В лесу за деревней жестокий бой с немцами. Только что к Ковпаку прискакал взъерошенный ординарец: «Немец нажимает!»

— Нажимает, говоришь? Так, так... Нажимает?

Он лезет в карман, извлекает кусок газеты:

— Нажимает? Ишь ты его...

Опять запустил руку в карман — это за табаком:

— Далеко отсюда?

— Шагов четыреста.

— Четыреста? Далеко, значит. Вот что: передай автоматчикам, чтобы...

Не спеша, спокойно он отдаёт приказания. Ординарец бежит в лес. Там, в лесу, первым делом спросят:

— Как там Сидор Артемьевич?

— Ничего. Крутит цыгарку...

Значит, всё в порядке. Значит, выкурим немцев из лесу!

2

Его помощники ждут дальнейших приказаний. Ковпак не торопится — о чём-то думает.

Прежде чем скрутить цыгарку, внимательно рассматривает обрывок газеты.

Читает вслух:

«Н-ский завод досрочно выполнил квартальный план. Сверх программы выпущено танков...»

— Табак!—произносит Сидор Артемьевич.— Табак!

Он насыпает горсть табаку в газету и добавляет:

— Плохо немцам и ещё хуже будет. Их дело — табак!

Но тут еле заметно вздрогнул.

— Это что такое? — крикнул он сердито.

3

Старик равнодушен к «юнкерсам», не обращает внимания на немецкие мины, пролетающие над его головой.

Но есть одно мелкокалиберное оружие, которого он страшно боится. Это фотоаппарат.

Вот уж давно длится этот жестокий поединок между Ковпаком и моей «лейкой». Мне всё хочется заснять Ковпака в тот момент, когда он весь поглощён какой-нибудь мыслью. Но всякий раз щёлканье моего аппарата выводит его из себя.

Вспоминается такой случай. Это было в Ровенской области. Шёл бой под одним районным центром. Конная разведка донесла, что к немцам идёт сильное подкрепление. Надо было принять срочные меры, чтобы прорваться к городу.

Ковпак начал медленно крутить цыгарку — все понимали, что в эту минуту в его голове зреет какой-то план.

И вдруг щёлкнула моя «лейка». Ковпак рассыпал табак и бросил в мою сторону такой свирепый взгляд, от которого задрожал мой фотоаппарат, а вслед за ним и я.

Вот и сейчас опять «лейка» привела его в негодование.

— Это что такое? — Ковпак перестал крутить цыгарку.— Опять двадцать пять?

4

Думаю, что на этот раз мне бы здорово попало. Но тут прискакал ординарец и доложил, что автоматчики ударили противнику во фланг и в тыл и перебили роту немцев.

Ковпак принял это сообщение так, как будто ему сообщили, что обед готов.

— Ну, и ладно. А то — «немец нажимает». Ишь ты, нажимает!..

Он повернулся ко мне боком и продолжал прерванную им работу—завёртывание цыгарки.

Глядя сейчас на него, я вспомнил бой на железной дороге Пинск — Лунинец. Ковпаковцы расстреляли немецкий поезд, пересекли дорогу и двинулись дальше.

Сидор Артемьевич сидел на высоких санях и о чём-то мучительно думал. Я спросил его, о чём он думает. Его глаза засветились лукавой улыбкой.

— Забыл насыпать в карман табак,— сказал он.

5

Улыбаются помощники Ковпака. Старик только что — по своему обыкновению скупо, без лишних разговоров — изложил им свой хитрый план, как овладеть Блитчей:

— Зайти в тыл. Поднять панику. Паника — большое дело. Ударить по обозам. На левый фланг автоматчиков...

Ординарец ускакал. Ковпак знает: всё будет сделано в точности.

Ну, наконец-то можно и закурить.

И вот уже во рту аршинная цыгарка.

И вот уже спичка зажжена.

— Ага. Так, так. Ещё огоньку, ещё!

Загрохотали под селом ковпаковские пушки.

— Так, так. Ещё огоньку!

6

Звук боя нарастал.

Ковпак на мгновенье прислушался и, раскурив свою дымо[illegible]ую трубу, хитро прищурил глаз и посмотрел на меня:

— Сложная операция, не правда ли?

— Да,— ответил я,— задали вы немцам баню.

— Тебе всё немцы снятся. Я не об том. Свернуть такую цыгарку — вот она, сложная операция!

Лицо его изображало довольство. Он затянулся и, выпустив огромный клуб дыма, посмотрел на деревню, на реку, на лес и засмеялся:

— Сложная операция, не правда ли?

— Да,— ответил я.— Цыгарка что надо!

— Тебе всё цыгарки снятся. Я не об том. Сейчас мы фрицев возьмём в кольцо—вот она сложная операция!..

7

Он поднял правую руку и, щёлкнув пальцами, сказал:

— Хорошо после затяжки!

Засмеялся:

— Табак — ничего. С витамином — крепкий. Немцу такой табак не под силу. И вообще слабеет немец. Бьют его мои хлопцы и в хвост и в гриву.

Ещё раз затянулся:

— А я им придумал весёлый номер на ночь. Я их обязательно выкурю из Иванкова. Крепок наш партизанский табачок!

Фото и текст
Л. КОРОБОВА

«Сталинградцы»

Редактор сказал мне:

— Мы выпускаем номер Крокодила, посвящённый трёхлетию войны... Надо дать фельетон.

— О чём?

— О том, как драматурги и театры научились показывать Красную Армию, бьющую врага...

Я задумался.

Стрелять в театре начали даже раньше, чем на фронте. С каждой премьерой канонада всё усиливалась. Густой пороховой дым повис в фойе...

— Хорошо,— сказал я,— напишу о пьесе Ю. Чепурина «Сталинградцы», поставленной Алексеем Поповым.

— Кто этот Чепурин?

— Офицер, участник обороны Сталинграда, начал писать свою пьесу в блиндаже осаждённого города.

— И пьеса удалась?

— Да.

— Чем она отличается от большинства других пьес, посвящённых войне?

— Тем же, чем лесной ландыш, имеющий свой собственный аромат, отличается от шикарных надушенных бумажных роз. Тем, что ситуации в ней жизненны, а не надуманны, и живые люди говорят живым, сочным языком. Тем, что процесс превращения обыкновенных бойцов, офицеров и генералов в героев Сталинграда показан без ложного декламационного пафоса, так, как это бывает на самом деле...

— Ну, а шпионы и предатели среди действующих лиц имеются?

Я смутился. Шпионы и предатели в пьесах об Отечественной войне стали играть уже ту пародийную роль, которую в своё время играли кающиеся «спецы» и перестраивающиеся инженеры.

— Честное слово, только один! Да и тот сюда забрёл из других пьес... Просто неопытный автор видит, что во всех спектаклях обязательно имеется предатель,— значит, так принято!..

— А кто играет этого предателя?

— Терёшин... Играет хорошо, но рядом с теми живыми, обаятельными людьми, которых создали Хохлов (командарм Дыбин), Васильев (командир дивизии Климов), Пестовский (Яшка Бубен), Константинов (снайпер Кудров) и Герасимов (сержант Андрей), это просто манекен...

— А в чём заслуга Алексея Попова?

— В том, что эта правдивая, тёплая пьеса превратилась в правдивый, тёплый и героический спектакль. В том, что актёрские дарования сведены в актёрский ансамбль. А красочные, театральные и в то же время такие настоящие массовые сцены, как бегство мирных жителей на левый берег Волги! Или картина боя в разрушенном доме!

Успех «Сталинградцев» вызвал много толков в театральных кругах. Режиссёры — те сразу отыскали причину удачи:

— Ну да, когда у Попова сцена, как Смоленская площадь!..

— Тут уж можно показать войну... Есть где развернуться. В первом акте из кулисы выезжает настоящий автомобиль.

— Мне бы такую сцену! — простонал режиссёр, широко известный своими постановочными излишествами.

— А что бы вы сделали?

— Выпустил бы не один жалкий автомобильчик, а по крайней мере колонну танков и самоходных пушек. Пусть попробует какой-нибудь шалый критик выступить против самоходных пушек!..

— А канонада?! Господи, какая чудесная канонада!.. Говорят, каждый раз, когда идут «Сталинградцы», в соседнем доме вылетают стёкла...

Действительно, в спектакле Центрального театра Красной Армии очень много стреляют, и стреляют, так сказать, со знанием дела.

А когда снаряд попадает в дом и обрушивает стену, густая пыль штукатурки летит в зрительный зал и оседает на головах и плечах всех, сидящих ближе восьмого ряда.

Невольный трепет пробегает по телу штатского зрителя:

— Впечатляющая сценическая правда... Вполне натурально...

— Даже слишком... Надо было в амфитеатр садиться...

— Хорошо ещё, если эта сценическая правда штукатуркой и закончится... А то вдруг кирпичи полетят...

Но тут редактор просто застонал:

— Позвольте, позвольте... Начали вы во здравие, а кончаете за упокой...

Я с достоинством отвёл это обвинение:

— Постановочные излишества в «Сталинградцах» того же происхождения, что и предатель Егор... Слишком велико всеобщее увлечение театров пальбой, чтобы оно миновало и Попова. Стреляют и в МХАТ, и в Малом, и в Оперетте, и даже в Большом...

— А в Большом когда стреляли?

— Пытались открыть ураганный огонь в опере Кабалевского на текст Цезаря Солодаря «В огне».

— Ну и что?

— Получилась осечка.

— Ага... Должно быть, порох оказался сырым...

— Нет, очень сырым оказался текст...

— А музыка?

— Наоборот, слишком сухой...

Мы помолчали. Потом редактор спросил:

— Значит, фельетон о том, как драматурги и театры научились показывать Красную Армию, бьющую врага, будет?

— Да.

И я написал этот фельетон.

Евг. БЕРМОНТ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.
Адрес ред.: Москва, 40. Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал —1 руб. 60 коп. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд. № 372. Подп. к печати 22/VI 1944 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.
А5192. Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 395. Тираж 100 000 экз.

ДВОЙНАЯ НАГРУЗКА

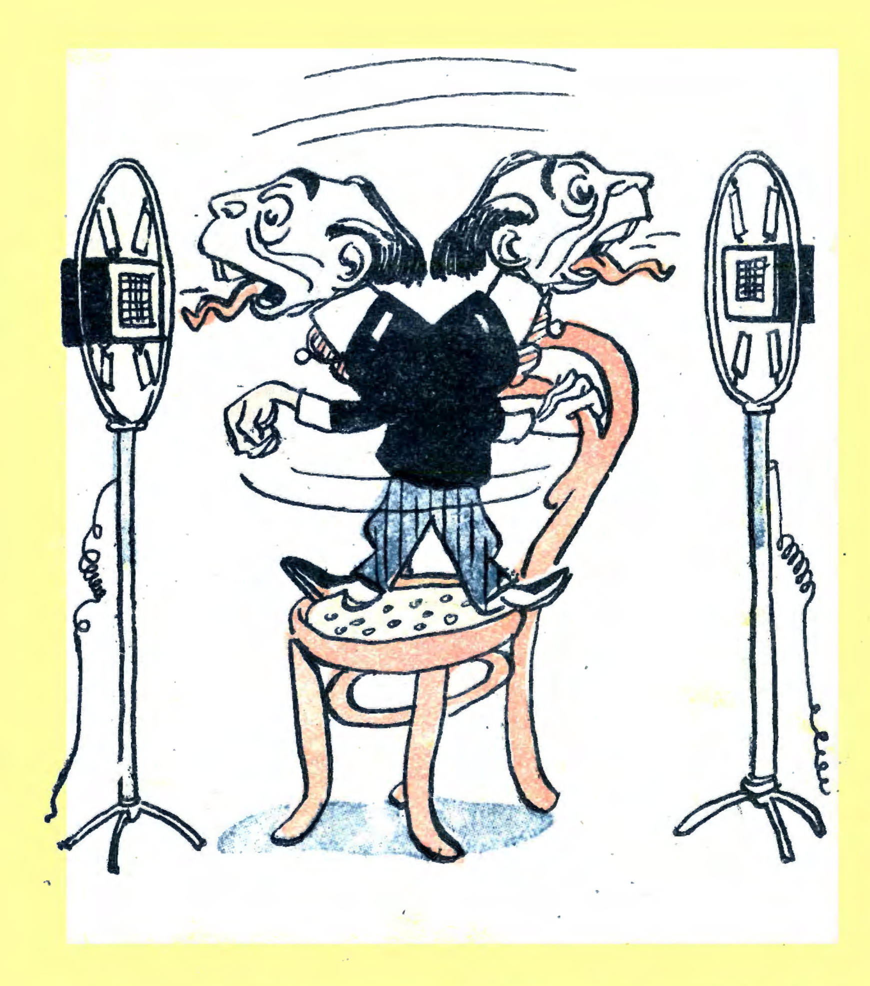
Рис. Ю. Ганфа

Курт Липпке работает теперь, не покладая рук. Нужно успеть обслужить немцев не только на восточном фронте, но и в Северной Франции.

Окончательно сбился с ног владелец ателье мод Отто Шмерце и сын. Раньше он едва успевал наряжать восточных вдов, а тут прибавились ещё и западные.

Бедный Геббельс просто выбился из сил. Врёт без передышки на все стороны.

А Гитлер совсем запарился. Ему, как видите, приходится заниматься двойной бухгалтерией.